

Уэбб Старк

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВЕРХОМ

Мой друг Перси, БУФФАЛО БИЛЛ

и
я

Дикие
бизоны
идут
прямо
на тебя!

Ульф Старк Мой друг Перси, Буффало Билл и я Серия «Лучшая новая книжка»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19397600

*Ульф Старк. Мой друг Перси, Буффало Билл и я: Самокат; Москва;
2016*

ISBN 978-5-91759-154-4

Аннотация

Что может быть лучше летних каникул, проведенных вместе с другом? Десятилетние Ульф и Перси строят хижину, купаются в море, играют в индейцев, помогают приятелю собирать жуков и читают книгу про Буффало Билла, знаменитого охотника на бизонов с Дикого Запада.

Перси неожиданным образом удается расположить к себе всю семью, даже сердитого дедушку Ульфа. И всех приятелей друга. Даже девочку Пию, в которую Ульф безнадежно влюблен! Выдержит ли дружба мальчиков такие испытания?

Ульф Старк – классик шведской детской литературы. «Мой друг Перси, Буффало Билл и я» – одна из самых известных его книг. Также среди его книг: «Чудаки и зануды», «Пусть танцуют белые медведи», «Умеешь ли ты свистеть, Йоханна?» и другие.

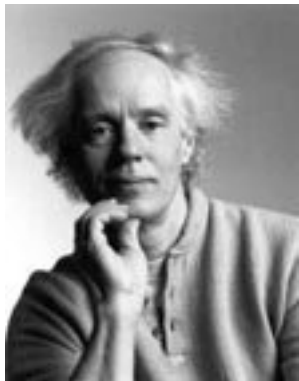
Ульф Старк считается одним из наиболее известных и почитаемых в мире авторов детской литературы. По мнению критиков и читателей, Старк является истинным наследником Астрид Линдгрен: писатель не боялся откровенного разговора с юными читателями, не обходил самых трудных тем, честно и с большой долей юмора настаивал на диалоге поколений. Его стиль ясен и доступен, сюжеты близки детям и подросткам всего мира, знание психологии детей и подростков в сочетании с удивительной прямоотой изложения делают его произведения понятными и близкими читателям всех стран.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ульф Старк

Мой друг Перси, Буффало Билл и я

Ульф Старк – классик шведской детской литературы, лауреат Немецкой международной детской литературной премии 1994 г., Шведской национальной Августовской премии 1996 г., автор повестей «Чудаки и зануды», «Пусть танцуют белые медведи», «Умеешь ли ты свистеть, Йоханна?». «Мой друг Перси, Буффало Билл и я» – одна из самых известных его книг (в 2005 году была экранизирована) – впервые выходит на русском языке!

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного согласия издательства.

ULF STARK

MIN VÄN PERCY, BUFFALO BILL OCH JAG

First published by Bonnier Carlsen Bokförlag, Stockholm, Sweden
Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Group Agency, Stockholm, Sweden and OKNO Literary Agency, Sweden

© Ulf Stark, 2004

© Мяэотс О. Н., перевод, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2015

— А я что говорю? — крикнул дед. — Объедаться не надо на ночь. Где это видано, чтоб в спальне лошади были?

*ДИЛАН ТОМАС. Портрет художника в щенячестве
(Перевод Е. Суриц)*

Глава 1

Я становлюсь кровным братом

Бывают дни, от которых ждешь чего-то особенного.

Вот и этого дня мы ждали почти год. В окно класса светило солнце. Оно блестело веселыми бликами на наших приглаженных мокрыми расческами макушках и на красном яблоке, которое Анн-Кристин положила на учительский стол. Мы уже привели в порядок парты. Вот-вот начнутся летние каникулы. Жизнь казалась нам прекрасной, и хотелось думать только о хорошем.

О чем?

Ну, я вспоминал Классе, Пию, моего сварливого толстого дедушку. Запах крапивы. А еще думал о том, как здорово будет нырнуть в шелестящие волны, разбегающиеся от кораблей. Но тут мой приятель Перси хлопнул меня по плечу и сунул в руку смятую бумажку.

«Как начнется песня – линяем!» – было написано в записке.

Тем временем учительница подошла к фисгармонии и предложила:

– А теперь давайте споем.

Ее звали Мэрта Линдквист, она замещала нашу классную руководительницу. У нее были красные покрашенные

губы, красные туфли и узкий красный пояс из настоящей пластмассы. При каждом движении ее желтое платье колыхалось, словно пшеничное поле на ветру. От учительницы пахло ландышами. А стоило ей улыбнуться, как и наши родители тоже заулыбались – такая у нее была заразительная улыбка.

– Давайте споем все вместе, – сказала она.

И заиграла самую красивую песню, какую знала, – «Когда поле колыхнется на ветру». Но я лишь слегка шевелил губами: не хотел портить всем настроение. Да и не я один. Многие тоже только рот открывали. А вот моя мама пела громко и с переливами.

Я подмигнул Перси: пора сваливать. Маме это, конечно, не понравится. Но чего она так распелась?

– Эй, куда это вы? – спросила учительница.

– Хотим поскорее начать каникулы – не можем больше ждать, – объяснил Перси.

– Хорошего вам лета! – пожелал я.

– И вам, – кивнула учительница. – До осени!

По пути к двери Перси прихватил со стола яблоко.

Мы промчались по коридору, распахнули школьную дверь, и нас тут же ослепило солнце, оглушил щебет невидимых птиц и обняло бескрайнее небо.

«Наконец-то дождался!» – обрадовался я.

Мы побежали к трамплину, уселись на самой верхотуре – там, где зимой прыгуны ждут своей очереди, чтобы слететь

вниз на широких лыжах. Теплый ветерок гудел в перилах и трепал наши праздничные прически. Мы запихнули парадные галстуки в карманы брюк, сняли ботинки и носки: пусть и у пальцев ног начнутся каникулы.

Перочинным ножиком Перси разрезал яблоко, которое стянул в школе, пополам, точно, как мог. И большую половинку взял себе.

– Ну, какие планы на лето? – поинтересовался он.

– Поеду на остров. Я каждое лето туда езжу.

– И что ты там делаешь?

– Да всё что угодно. А у тебя какие планы?

Перси не ответил. Он наморщил лоб, выплюнул яблочные косточки, а потом отвернулся и стал смотреть на скотобойню. Что-то ему явно не давало покоя. Он провел пальцем по лезвию, словно проверяя, острое ли, и улыбнулся:

– Мы ведь тыщу лет друг дружку знаем, так?

– Так.

– Сколько уже набежало?

– Три года.

– Вот! Три года. Пора нам стать кровными братьями.

– А как это – кровными братьями? – спросил я.

И Перси растолковал мне, как.

– Мы должны порезать себе пальцы, а кровь смешать, – объяснил он. – Хорошо, что я прихватил с собой перочинный ножик.

Он отер грязное лезвие о брюки. И тут я вдруг вспомнил,

как мне брали анализ крови. Приятного было мало.

– Это ты, конечно, здорово придумал. Но можно ведь и инфекцию занести, – засомневался я. – А от заражения крови умрешь в два счета.

Мой отец был зубным врачом, и я наслушался от него о всяких бактериях.

– Верно. Но если сперва раскалить лезвие на огне – ничего не будет.

Что я мог возразить? Перси всегда таскал в кармане спичечный коробок. Он чиркнул спичкой и подержал нож над пламенем, пока лезвие не почернело от копоти. А потом сделал узкий надрез – сначала на своем пальце, а потом на моем. Больно. Но и торжественно. Мне даже понравилось.

– Ну, дело сделано, – объявил Перси. – Теперь мы – кровные братья. Понимаешь, что это значит?

– Нет, – признался я.

– Это значит, что теперь мы должны отправиться на остров вдвоем, – растолковал Перси. – У меня острова нет, так что придется ехать к тебе.

Я не знал, радоваться мне или нет. Конечно, Перси – мой лучший друг. Но на острове у меня полно приятелей: Классе и Бенке, Данне и Леффе. А еще Пия. Может, они и не примут его в компанию. Да и родители вряд ли согласятся. А уж мой брат Ян точно будет не в восторге.

Про дедушку и говорить нечего: он наверняка не обрадуется появлению еще одного мальчишки в доме.

Ему и нас с братом хватает.

Он не любит детей.

Как, впрочем, и взрослых, и животных тоже.

– Ну не знаю, – промямлил я. – Дедушка и без того вечно злой как черт.

– Не беда, – успокоил меня Перси. – Не боюсь я его. Зато побываю на острове.

– Обещаешь дедушку не злить?

– Ты же меня знаешь!

Я-то его знал... Это меня и тревожило. Перси был способен вывести из себя кого угодно. Но как я мог сказать «нет» своему новоявленному кровному брату!

– Только ты приезжай попозже, – попросил я. – Чтобы я успел всех подготовить.

– Когда?

– Двенадцатого июня. Как раз на мой день рождения.

Перси на радостях так меня обнял, что мы упали и пока-
тились вниз с трамплина.

– Заранее поздравляю! – прокричал он.

Когда я пришел домой, паленым пахло уже с порога. Мама была не в духе.

– Как ты посмел сбежать до окончания церемонии! – на-
пустилась она на меня. – Как ты только до такого додумал-
ся? Полюбуйся: из-за тебя у меня всё подгорело! Что на тебя
нашло?

– Мне по-маленькому приспичило, – соврал я.

– И Перси тоже?

– Ага.

По дороге домой я предусмотрительно сорвал ветку шиповника в саду у тети Ульсон. Я вручил ее маме, чтобы разрядить обстановку. И улыбнулся своей самой кроткой улыбкой.

– Это тебе, мамочка.

– Спасибо. И всё же помни: воспитанные дети так не поступают. Не забывай, что твой папа – зубной врач.

– Ой, я и правда об этом не подумал! – потупился я. Обычно это помогало.

– Посмотри: новые брюки в крови! – сказала мама, но уже гораздо спокойнее.

– Это я за колючку зацепился, когда шиповник срывал.

– Ну ладно. Брошу в стиральную машину. Пожалуй, ты слишком много времени проводишь с этим Перси. Конечно, он славный мальчик. В глубине души. Но вечно его на проказы тянет. Хорошо, что мы уезжаем к бабушке, – поживете немного врозь. Верно?

– В общем, да.

– Знаешь, давай не будем ничего рассказывать папе, – решила мама.

– Угу, – согласился я.

И не рассказал о том, что пригласил Перси на остров.

Поэтому папа весь вечер был в прекрасном настроении.

Радовался, что мы скоро отправимся к бабушке и дедушке. Папа любил уезжать от забот. Он уплетал тушеную капусту и даже не заметил, что мясо пригорело. Он улыбнулся моему брату, который как раз подкинул мне в тарелку козявку.

– Скоро мы заживем в тишине и покое, и нас не будут заботить коровьи надои, – пошутил папа.

Но никто не засмеялся.

Глава 2

Я купаюсь прямо в одежде

До отъезда я так и не смог сказать родителям о том, что пригласил Перси. Мы все были заняты сборами.

Я сунул в сумку кусок сыра, оставшийся в холодильнике, альбом для рисования и финский ножик. Мой брат взял с собой пачку комиксов о Супермене и Фантомасе. У мамы набралось вещей на две сумки и большой сундук, а папа добавил ко всему этому свою трубку.

– Ну что ж, поехали, – сказал он.

Мы отправились в путь на своей собственной лодке. Она называлась «Претто». С двумя мачтами – чтобы можно было поднять парус, если вдруг заглохнет мотор. Я почти не вылезал из маленькой каюты на корме. Я съел сыр, а потом прижался лбом к дрожащему полу. Только так я мог не думать о том, что меня укачивает.

Еще я попробовал вспомнить Пию.

Достал альбом и написал крупно: «Пия». Мне чуть-чуть полегчало. Только вот как она выглядит? Я вспомнил, что у нее темные волосы и красивая фигура. А губы, нос, глаза? Как может нравиться девочка, если ты даже не помнишь ее лица?

У меня получился портрет без носа, глаз и рта. Подборо-

док вышел совсем не похоже. Я нарисовал один глаз и тут же стер. Даже брови не удались.

— Черт, — пробормотал я еле слышно.

Потом я попробовал вспомнить, как она смеется. Это оказалось полегче. У Пии был такой хрипловатый щекочущий смех. По крайней мере, так мне казалось прошлым летом. Интересно, а какой он в этом году?

Тут Ян открыл люк и спрыгнул прямо на мой рисунок.

— Красота! — похвалил он.

— Не мог постучать, прежде чем вламываться?

— Ах, извините-извините, — съязвил брат.

Он выудил из сумки комикс про Фантомаса и снова вылез на солнце.

Вскоре и я вышел на палубу, сложил из своего рисунка самолетик и пустил его по ветру. Сделав красивый вираж, он спикировал и заскользил по воде, словно чайка, совершившая вынужденную посадку.

Папа стоял у штурвала и радостно насвистывал. Белую моряцкую фуражку он сдвинул чуть-чуть набекрень. Настроение у него было отличное, как всегда, когда мы уезжали из города. Он насвистывал «У меня ни гроша в кармане, я свободен как птица» и курил трубку. Мелодия вылетала, словно колечки дыма. Папа, прищурившись, поглядывал на воду и кивал островкам и шхерам, мимо которых мы проходили.

Мама сидела на корме и вязала свитер. Ян уткнулся в свои комиксы. Папа терпеть не мог комиксы, но ничего ему не говорил. Ведь мы плыли на остров! Я зажмурился и старался не думать о том, что творится у меня в желудке.

– Погляди-ка налево, Ульф, что ты там видишь? – спросил папа.

Я, конечно, посмотрел не в ту сторону. Несколько чаек ныряли в воду у мостков. Из летней уборной вышел какой-то дядька.

– Ничего особенного.

– Вечно ты путаешь лево и право! Неужели трудно запомнить? – рассердился папа.

– Так уж выходит, – ответил я.

Если бы я посмотрел туда, куда он указывал, то увидел бы маяк. Каждый год, проходя мимо этого места, мы устраивали перекус. Здесь была ровно половина пути. Мама достала пакет с едой: молоко и бутерброды с колбасой и огурцами.

– Здорово, да? – сказал папа.

Он отпустил штурвал, чтобы погладить маму по щеке и достать бутерброд.

– Что именно? – спросила мама.

– Да всё!

Папа хотел сказать: здорово сбежать на время из зубного кабинета, от ежедневных забот, забыть о медсестре, которая вечно так завинчивает краны, что прокладки летят.

Хорошо пожить тихо и мирно – вот что он имел в виду.

– Да, здорово, – согласилась мама.

– Спой что-нибудь? – попросил папа.

– Мы же едим, – отмахнулась она.

Но тоже улыбнулась, хотя она и не радовалась так, как папа. Я решил, что настал подходящий момент рассказать им о Перси.

– Я хочу вам кое-что сказать, – начал я.

– Что-то приятное? – спросила мама.

– В общем, да.

– Что же? – заинтересовался папа.

Но тут Ян оторвался от своих комиксов.

– Он хочет сказать, что влюбился в Пию и собирается на ней жениться! В церкви Стурчюркан.

– Ну и придурок же ты! – завопил я и плеснул в него молоком.

В другой бы день папа страшно рассердился. Но теперь мы плыли на остров, так что когда Ян, весь мокрый, ринулся на меня с кулаками, папа просто удержал его.

– Не дразнись, Ян. Чувства – вещь чувствительная. А ты, Ульф, не обзывайся, – сказал папа, повернувшись ко мне. – И почисти хорошенько зубы на ночь. Два раза. Прекратите вечно ссориться, мальчики! Хочешь еще молока?

Нет, спасибо. Меня и так подташнивало.

– Что ты хотел сказать, Ульф? – напомнила мама.

– Так, ничего особенного, – ответил я и повернулся к папе. – Неужели нельзя идти побыстрее?

Папа вел лодку со скоростью не больше семи узлов в час. Всегда. Он считал, что так мы наслаждаемся видом окрестностей. Да и горючего уходит меньше.

Я снова уполз в каюту и приложил лоб к полу.

Папа дал три долгих гудка и один короткий. Значит, прибыли. Я поднялся наверх. Дом дедушки и бабушки красовался на вершине горы и был похож на большое бeze. Дедушка сам его построил – две башенки, терраса и балкон, где теперь стояла бабушка и махала нам тряпкой для вытирания пыли. Дедушка, как обычно, работал в саду, выкапывал из земли большущие камни. Когда наша лодка протарахтела мимо, он вскинул лопату в знак приветствия.

Он даже поднял флаг в честь нашего приезда.

– Тишина и покой. Наконец-то начнется блаженный отдых! – воскликнул папа, когда мы пристали к причалу в бухте. Ян спустил якорь.

– Не очень-то на это рассчитывай, – предупредила мама.

– Я, во всяком случае, сидеть сиднем не собираюсь, – заявил я.

Похоже, природа тоже не знала покоя. Над нашими головами горланили тучи чаек и крачек. А на другом берегу на скале, выдававшейся в море, стояла Пия и чистила шуку.

– А вон и твоя любовь, – сказал Ян и украдкой уцепил меня за ногу.

– Да плевать мне на нее, – прошипел я.

Но всё же не удержался и посмотрел – на ее губы, глаза, нос, подбородок и красный купальник. Да, точно, вот она такая. Немного подросла за год, но такая же красивая. Пия подняла пойманную рыбину и помахала ей в воздухе.

– Привет, Уффе! – крикнула она. – Приходи на пирс купаться.

– Ну не знаю. Мне сперва надо с Класе встретиться, – ответил я. Рядом стоял мой брат и всё слушал.

– Ладно, – сказала она и опустила щуку.

Папа, отдуваясь, вытащил сундук из носовой каюты.

– Вот это улов! Какая огромная! – похвалил он.

– Да в ней лишь чуть больше двух кило. Я ее выловила у пароходного причала, – ответила Пия и продолжила чистить рыбу.

Совместными усилиями мы выгрузили сундук на причал.

– Пойду за тележкой, – сказал папа. – А вы пока выносите всё остальное.

Дедушка, как всегда, оставил тележку под ольхой у водокачки, чтобы нам не тащиться за ней к дому.

Я шел по палубе, в руках у меня был ящик с резиновыми сапогами, зонтами и плащами. И вдруг я вспомнил смех Пии. Интересно, остался ли он таким же, как в прошлом году? Задумавшись, я споткнулся о веревку, выронил ящик и, взмахнув руками, с громким плеском рухнул в воду.

Море оказалось теплее, чем я ожидал.

Выплыв, сквозь крик чаек я слышал смех Пии. Он был такой же хрипловатый, вольный и разудалый, как и прежде.

– Растяпа! – прошипел Янне.

Я ничего ему не ответил. Только улыбнулся, выплюнул воду и откашлялся.

– Что там у вас стряслось? – крикнул папа.

– Да ничего особенного. Просто Уффе выбросил за борт резиновые сапоги и плащи, – ответил брат.

– О господи! – охнул папа.

Глава 3

Я встречаюсь с дедушкой, гусеницами и Класе

Тяжело пыхтя, папа тянул нагруженную тележку. В самом низу лежал сундук с сокровищами – алюминиевый с черным железным кантом. В нем была наша одежда и простыни, а еще кухонный комбайн, тетрадь с мамиными лучшими рецептами и папин французский детектив – чтобы ему было что читать на отдыхе. Поверх сундука мы положили гамак и навалили коробки со всякой всячиной, без которой на острове не прожить.

– Ну-ка, взялись дружно, мальчики! – кричал папа. – Раз-два!

Ухватившись за ручку, он тянул тележку вперед. А мы с Яном подталкивали сзади. Папа то и дело останавливался и утирал пот со лба своей моряцкой фуражкой. Его нейлоновая рубашка намокла от пота. Подъем к дому был крутой. Тут и там на тропинке торчали острые камни.

– Проклятушая дорога! – бормотал папа.

– Что ты сказал? – спросил дедушка. Это он проложил дорожку.

Он стоял наверху, спиной к солнцу. Его тень накрыла нас. Она была длинная, черная и мускулистая – ну, прямо точь-

в-точь как тот кочегар, которого дед нокаутировал однажды во время плавания через Атлантику.

Сам-то дедушка был приземистый и толстый, и нос у него был бугристый.

– Ну, вот мы и прибыли, – объявил папа.

– Может, зрение у меня уже и не такое, как прежде, но я не слепой, – буркнул дедушка.

– Здравствуйте, дядя, – сказала мама. Она его так называла.

Дедушка приподнял серую фетровую шляпу, и солнце осветило его блестящую лысину. Он кивнул. Сначала маме, потом всем остальным.

– И вам здрасьте, – отвечал он.

Он так говорил – «здрасьте», «добрутро». На этом церемонии закончились. Дедушка снова надел шляпу.

– Что это вы тащите? – гаркнул он, указывая на нашу поклажу. – Вы что, привезли с собой пол-Стокгольма?

– Тут только самое необходимое, – отвечала мама.

– Не следует брать больше, чем можешь унести! – рявкнул дед. – Ну-ка, отпусти ручку, и вы, парни, тоже отойдите в сторонку.

Дедушка налег грудью на рукоятку тележки и потащил ее, словно упрямый маленький тяжеловоз. От натуги у него покраснели уши и на затылке проступил пот. Но он тянул в одиночку, а мы шли следом.

– Как ты вообще себя чувствуешь, отец? – поинтересовал-

ся папа.

– А ты как думаешь? – буркнул дед. – Как может чувствовать себя старый немощный старик?

Он принялся жаловаться на то, что улитки сожрали всю клубнику. И на то, что какой-то заезжий балбес поставил палатку прямо перед их домом. А вдобавок шмель всю ночь не давал ему спать.

– И вот теперь еще вы заявились со своим барахлом, – ворчал он. – Я помню, как хотел однажды выйти ночью помочиться и наступил на игрушечный автомобиль. Разбил колесо о порог. Потом пол-года хромал, словно придурок какой.

Так он ворчал всю дорогу до дома. Бабушка ждала нас на пороге кухни. Она напекла целую гору оладий и достала банку домашнего клубничного варенья. Как обычно – к нашему приезду. Один-единственный раз за лето она готовила сама, а потом уступала кухню маме.

– Ох, ну и заждалась же я вас, дорогие мои! – сказала бабушка и раскрыла объятия.

Сначала она обняла папу. Потом брата. А мне она лишь пожала руку, потому что я был весь мокрый.

– Ну, чем займешься после обеда? – спросила она, когда мы уселись за стол. – Побежишь в деревню играть?

– Я больше не играю, – отвечал я. – Так, просто пойду проведу Класе.

– Никуда ты не пойдешь, пока не соберешь десять гусе-

ниц-капустниц! – заявил дедушка.

Он ненавидел гусениц лютой ненавистью и платил нам с братом по пять эре за каждую пойманную.

Вообще-то дедушка много чего терпеть не мог. Столько всего вокруг жужжит, кусается и действует на нервы! Он ненавидел любую живность, которая зарилась на его посадки.

Но главными его врагами были огромные черные камни, что лежали посреди клубничных грядок и заслоняли солнце его нежным растениям.

– Ох, как же я ненавижу этот валун! – проворчал дед и кивнул в сторону большего камня. Я пришел к нему с пакетом гусениц. Я их насобирав на целых две кроны.

– За что?

– Ты еще спрашиваешь! У тебя что, глаз нет? Не видишь, какая от него тень? В такой тени ничего не растет!

Я поглядел на тень. Просто чтобы не смотреть на пакет. Дедушка бросил его на землю и сразу растоптал.

– Так взорви его, – предложил я.

– Взорвать? Нет уж! Я его сам сверну. Ну, сколько я тебе должен?

– Две кроны.

– Ладно, потом получишь. Беги теперь, развлекайся.

И я помчался в поселок.

Классе с родителями жил на втором этаже деревенского

дома. Каждое лето, прежде чем начать отдыхать по-настоящему, он должен был сделать что-нибудь полезное и познавательное. Так решил его папа. В прошлом году, например, он ловил бабочек. Ему надо было узнать, как они называются, наколоть их на иголки и разложить в маленькие коробочки со стеклянными крышками. А два года назад он собирал листья разных деревьев и кустов и приклеивал их в альбом.

Когда Класе открыл мне дверь, вид у него был весьма унылый. А я-то как дурак надел вставную челюсть, которую прихватил из папиного зубо врачебного кабинета, – повеселить его хотел! Верхние зубы торчали, и челюсть скалилась ослепительной улыбкой. Но Класе посмотрел на меня мрачно.

– Сними лучше, – буркнул он. – И без тебя тошно. Мне не до веселья.

Я сунул челюсть в карман.

– Ну, что тебе задали в этом году? – поинтересовался я. – Звериные какашки собирать?

– Нет, жуков, – вздохнул он.

Шестнадцать штук он уже нашел.

– Отлично! – похвалил я.

– Да ты знаешь, сколько их всего?

– Нет.

– Почти триста тысяч! – сообщил Класе. – В одной Швеции – более четырех тысяч видов.

– Ничего себе!

– Вот-вот! Но мне надо найти всего тридцать пять. Я, правда, припас тут двух впрок. Папа про них еще не знает. Так что вечером могу устроить себе выходной.

– Тогда айда на пирс! – предложил я.

– Давай! – согласился он. – Только сначала выкурим по сигаретке.

Мы курили там же, где всегда, – в расщелине между двух скал. Оттуда был виден маяк, острова и море. А дальше, у горизонта, взгляд терялся в безбрежной бесконечности.

– Красотища! – сказал я.

– Думаешь? – спросил Классе. Он-то уже неделю тут был.

– Да.

Мы лежали за кустом можжевельника и дымили «Честерфилдом». У меня от него саднило нёбо, хоть я совсем недолго держал дым во рту и поскорее выпускал его обратно. Классе, наоборот, делал жутко глубокие затяжки. И стрелял в лужу зажженными спичками. Ему просто необходимо было каждый день совершать что-нибудь запрещенное, уж больно строгий у него был отец.

– Ну почему именно я из лета в лето должен выполнять эту обязаловку? – вздохнул он.

– Не знаю.

– Это же нечестно! Другие-то в это время плавают, загорают и вообще бьют баклуши.

– У всех родителей есть свои недостатки и свои достоин-

ства, — отвечал я. — Ничего с этим не поделаешь.

— Это точно.

— Хочешь, я помогу тебе искать жуков? — предложил я.

— Давай! — согласился Класе и выпустил облачко дыма.

Оно окружило мою голову серым венцом. — Здорово, что ты приехал!

— Ага. Знаешь, о чем я подумал?

— О чем?

— Хорошо уехать из города и встретиться вновь со старыми товарищами!

— Точно.

Мы потушили едкие сигареты и отправились на пирс. Но сначала Класе показал мне своих припрятанных жуков. Он хранил их в спичечном коробке. Там лежали цикадка и навозный жук с красными крыльями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.